

вечества, он проводит^г между историей Флоренции и всеми известными ему государствами аналогию^г. Воззрение это чисто античное, воззрение фатализма: народам нельзя избежать судьбы своей, им даны наперед известные моменты развития, чрез которые они должны перейти. Гениальностью граждан отдельных и чистотою нравов момент падения может быть отсрочен, но отвратить его нельзя. Он принимает общество сначала как скопище людей, соединившихся под гнетом внешних нужд для обороны от внешних неприятелей; потом из среды его возникает аристократия, аристократия в свою очередь становится тягостной, потом следует демократия, во главе демократии является, наконец, монархия. Он берет опыты для подтверждения из римской истории. Отсюда объясняются многие его односторонности. От этого, может быть, также развилось и это его исключительное благоговение пред политической жизнью к ущербу всех других сторон жизни народной. Разбору поэтических его произведений здесь нет места, хотя и здесь мы должны указать на многозначительную сторону — ядовитую иронию, с которой он обращается ко всем явлениям средневековой жизни, на этот сатирический, горький взгляд на жизнь. Только стоит прочесть три стиха, чтобы понять эту сторону; он говорит, как надо встречать несчастье: «Встречая несчастье, не принимай его по капле, проглоти его разом; глуп тот, кто отведывает его понемногу».

Сочинения Макиавелли имели влияние не в одной Италии. В Италии он был признан великим гражданином, проникнутым чувством трагической скорби о гибнущей^а родине. Потому Италия вправе так высоко ставить секретаря Флорентийской республики. Но, с другой стороны, после того, как мы указали лучшие стороны сочинений Макиавелли, надо сознаться, что другие страны Европы имели полное право горько сетовать на него. Он отрешил частную нравственность от общественной, государственное право от религиозных основ. Он поставил высшим законом благо народа, [но] прибавил к этому правила, приобретшие страшную известность в устах иезуитов, что все средства, ведущие к достижению общественного блага, оправдываются этой целью. Книга о князе сделалась настольной книгой государей 16 столетия, Филиппа II испанского, Екатерины Медичис, Генриха IV французского, пользующегося незаслуженной славой правоты и прямоты. Можно сказать, что учения Макиавелли отравили, вошли ядовитую примесь в политические идеи XVI столетия. Безнаказанно таких идей и советов нельзя давать народу; как бы ни велика была цель, безнравственные средства вредят цели. Личность Макиавелли остается в том же уважении, сочинения его исполнены великих достоинств, но все-таки должно сказать, что они оказали влияние, о котором, конечно, не думал Макиавелли.

^г— Там же: он видит везде повторение одних и тех же явлений (л. 42).

^а Там же: порабожденной (л. 42 об.).